

Красноярск. Больница

Он лежал в одноместной палате. Мне нужно было всего-навсего передать ему письмо из Енисейска, откуда я возвращался из командировки. На конверте значилось: «Писателю Астафьеву».

В папке у меня лежало несколько фотографий огнебородых старообрядцев с Бирюсы. Увидев их, Виктор Петрович старое оживился. Стал расспрашивать. Так сам собой завязался разговор со знаменитым писателем.

Для него я был совершенно чужим человеком. Но наше общение длилось уже несколько часов и не прекращалось. Он смотрел на мои снимки кедрового стланика, утренней реки в белёсом тумане... Смотрел и рассказывал о тайге так, будто знал в ней каждую травинку, каждое дерево, зверя и птицу. Пояснял, что считает ущербными тех, чьи познания о природе ограничиваются лишь «травой и лесом». По его мнению, человек обязан смотреть на мир шире. Быть самодостаточным. Всегда уметь обеспечивать себя необходимым, чтобы оставаться независимым. Каждый должен собой представлять маленькое государство. И тут он вновь вспомнил старообрядцев, которые воспринимали жизнь как особый дар свыше.

— А если не дорожишь этим даром,— сказал Астафьев,— то такая неблагодарность, как мне думается, является самым тяжким грехом перед Богом. Но сам я это понял не сразу. Один раз даже не выдержал и дал слабину... Вышло так, что на войне и той сумел выжить. Хотя дважды был контуженный и трижды раненный. И всё равно с собой справился. А после... Наступило такое время, что не мог прокормить свою семью и собрался застрелиться... Дочка маленькая у нас умерла. Я взял ружьё и... Было такое... Возникло ощущение полной безысходности... Нахлынуло на меня, что никуда я не гожусь, к чёртовой матери... Всё! Кончились тогда мои силы...

Астафьев замолчал. Внутри меня начала твориться какая-то сумятица. Напрочь обескуражило его страшное, неожиданное откровение. Когда он продолжил, я содрогнулся. Думал, что эта тягостная, давящая тишина уже никогда не закончится: — Как-то я всё-таки взял и выкарабкался. И вот только тогда, когда смог... смог сам обеспечить своих близких, стал о себе говорить: «Я — мужик».

Потому что настоящий сибиряк, когда требовалось, всегда становился под комель, под самую тяжёлую часть бревна. А баба — под вершину. А сейчас не так. Быстро начали стираться, становиться невыразительными черты лица нашей Сибири как нации. Исчезает её колоритный язык. Характер теряем.

Астафьев подсел к столу, на котором лежали горсткой кедровые орехи. Сгрёб их. Положил в кулёчек. И продолжил:

— Я ведь застал здесь ещё другое отношение к жизни. Бывал в таких деревнях, например, в Балахтинском районе, где обходились без замков на дверях. Трепетно оберегали родники. Луговину всегда в чистоте содержали. Не воровали... Знаю, что кое-где в нашей глухомани, особенно среди старообрядцев, ещё сохранилось такое. Там, слава Богу, законы не колебнулись и традиции остались. Вот с таких сибиряков, может, и начнётся нравственное возрождение России. Они многое сумели сохранить в себе истинного. То, что мы растеряли...

Пришла медсестра делать уколы. Я спохватился, чтобы уйти. Астафьев категорично замахал рукой: — Подожди!

В палату вновь зашёл, когда медсестра закончила свои процедуры. Астафьев, увидев, что я включил диктофон, взволнованно приподнялся. Почувствовалось, что ему самому было очень важно о чём-то рассказать.

— Мне как-то не довелось говорить об этом раньше, но я ведь тоже из рода старообрядцев. Из тех, которые когда-то вольно жили на Русском Севере. Что там произошло тогда — неизвестно. Но больше века назад мой прадед пришёл оттуда в Сибирь вместе с бабкой. Почти пять тысяч вёрст пешком они прошагали в поисках лучшей доли. И чем-то им, видно, приглянулись эти места на Енисее. Так вот здесь и остались.

Мы ещё долго говорили с Астафьевым. Переда мной был человек, проживший невероятную жизнь. Сумевший осмыслить каждый свой шаг и поступок.

Вот так в тот день судьба одарила меня удивительным общением, к которому я мысленно возвращаюсь до сих пор.

Когда Астафьева не стало, его вдова Мария Семёновна нашла в столе законченную «Автобиографию». Мне было доверено право выбрать общероссийское издание для её публикации. Начал читать — и будто где-то рядом зазвучал голос Астафьева:

«По деревенскому преданию, мой прадед Яков Максимович Астафьев (Мазов) пришёл в Сибирь из Каргопольского уезда Архангельской губернии, со слепую бабушкой, как поводырь. Происходил он из старообрядческой семьи, не пил горькую, не курил, молился наособицу, был от рождения башковит и в преклонном возрасте тучен телом.

...Будучи ещё подростком, прадед мой подался в верховские енисейские сёла, где нанимался работником на водяные мельницы... На капиталы, нажитые трудом праведным, Яков Максимович построил мельницу на речке Бадалык за городом Красноярском...»

Затесь первая (затесями в Сибири называют таёжные зарубки на деревьях, чтобы отыскать обратный путь). Недели две назад известный журналист, с которым я давно знаком, опубликовал заметку о случайно найденной старинной иконе с изображением восьмиконечного креста. Его публичный вывод был поразительным: икона эта — не православная и принадлежала раньше каким-нибудь сектантам, скорее всего — староверам. Мои возражения он отверг напрочь, совершенно не поняв, что выставил напоказ не только своё незнание истории России, но и себя самого в облике «Ивана, не помнящего родства».

Есть ещё и ерши...

Енисей — река могучая, величественная и уникальная. В одно и то же время в её верховьях можно увидеть верблюдов в пустынных местах, а в низовьях — белых медведей на льдинах. Есть и ещё одна удивительная особенность. На берегах этой реки и её притоков живут самые непримиримые старообрядцы-беспоповцы. Живут в глухомани. Подальше от соблазнов. Есть там и те, которые совсем не общаются с миром.

Старообрядцев в этом крае — тысячи. Но никто не знает, сколько их точно. И все они — русские люди. Но только другие русские.

Для них никогда не звонит колокол. У них нет церкви и священнослужителей. Их общение с Богом идёт напрямую, без посредников. Пойдя иным духовным путём после раскола, вызванного реформой в семнадцатом веке, беспоповцы не создали себе новых вождей. Власть им оказалась не нужной. В их посёлках нет ни участковых милиционеров, ни сельсоветов, но есть порядок, которому позавидуешь. Всем управляет община.

Из-за своей длительной обособленности они стали фактически особенным народом России.

Не познавшим деления на «красных» и «белых», на коммунистов и беспартийных, на либералов и демократов, на...

Они — уникальный российский генофонд. У них во многом другая, чем у нас, система нравственных координат, потому что «не все на Руси караси, есть ещё и ерши». Знать бы только этим ершам, когда щука зубы меняет...

Затесь вторая. Академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва многие называли и называют «совестью нации». Однажды, когда спросили о его родословной, он рассказал, что она связана со старообрядчеством, которое он считал «удивительным явлением русской жизни и русской культуры». А его приверженцев — «нравственно стойкими людьми».

В завещании Дмитрий Лихачёв попросил установить на его могиле восьмиконечный старообрядческий крест. Когда его не стало, так всё и сделали.

С Божьей печатью

Река Тасеева. Поселение Бурный

Откуда он взялся, я так и не понял. Зашли во двор — никого. И вдруг как из-под земли вырос: ни дать ни взять — вылитый старичок-лесовичок. Приземистый. На голове, словно шляпка подберёзовика, рыжеватый накомарник. Рубаха с прорехами. Смотрит — как на базаре покупает: с хитрецей и лукавинкой.

Я ему сразу за здоровье, а он — спиной ко мне. Голову вниз опустил и из-за плеча словом оцетинился:

— Чё пожаловал-та?

Во мне чайничек обиды так сразу и вскипел. По двум рекам, через пороги, я добирался две недели на резиновой лодке до этого поселения. И теперь мне — от ворот поворот. Так это ещё не всё. За полчаса до этого, на берегу реки, разыскал меня его сын Димка и сходу стал звать:

— Тятя к себе приглашает. Небось, проголодались?

Я, как смог, начал отнекиваться. Мол, некогда, нужно ещё вон ту чудо-мельницу успеть посмотреть — и указал на деревянное колесо над бурной речкой. А он мне:

— Без хозяина туда нельзя.

— А кто же хозяин?

— Да тятя наш.

Вот так я попал к старообрядцу-мельнику, который, как и полагается, живёт на самом отшибе деревни.

Пробую со второго захода познакомиться со старичком-лесовичком. Молчит.

Жена его с порога на него буркнула, а мне:

— Лаптев его зовут, Леонид Кириллович.

Лаптев. Это о нём мне ещё за добрую сотню километров до его обители старообрядцы

рассказывали всякие истории. Будто расхаживает он по деревне в дерюге. С валенком на одной ноге, с сапогом—на другой и в шапке задом наперёд. Идёт—и встречных разговорами на душевную прочность проверяет. Совесть к обличению побуждает. Да ещё и мысли всякие крамольные без оглядки высказывает.

Кто-то о нём прямо так и сказал: «Блаженный—что с него возьмёшь?»

Юродивых на Руси церковь, как известно, причисляла к людям «сознательно отрешившимся от обычного употребления разума». Однако как бы к ним ни относились, но этих праведников в лохмотьях не трогали. Считали их помеченными Божьей печатью.

И были среди них как настоящие безумцы, так и те, кто только надевал подобающую личину, чтобы уберечься от дыбы и каторги. Храм Василия Блаженного как раз и донёс через века народную память об одном из таких юродивых.

— Вот если бы ты мне верёвку привёз,— подает голос Лаптев,— тогда дело бы было. А так—что с тобой о мельнице разговаривать?.. —?!

— А ты не смотри на меня худо. Дурак я и есть дурак. Речку вот и ту в честь меня прозвали.

Насчёт названия—чистая правда. Дом Лаптева стоит на берегу Дураковки. Даже на некоторых картах это наименование прописано. Только уже знаю я, что своим крещением речка обязана близлежащему порогу с дурным нравом, а вовсе не мельнику...

— Ох, беда-то. Вишь, живём жалеючи,— начинает причитать Лаптев.— Даром что мельница есть. А квашню состряпать не из чего, чтоб хлеб испечь. Робить не могу, старый стал. Коня нет. Всё на корове приходится возить. И дрова, и сено, и назём. В избу зайди—нищета...

Я качаю головой.

— Эка, не верит. Ну говорю ж—дурак. И сынов-дураков народил.

Сбоку раздаётся защищающий шепоток жены: — Такой дурак—на худой кобыле не объедешь.

Неожиданно замечаю, что позади меня на крыльце, как на галёрке, расположились все лаптевские домочадцы. А сам Лаптев, получается, перед нами как на паперти.

— Худо. Ох, худо! Непогода совсем одолела. Как думаешь, ведро скоро будет?—спрашивает Лаптев, показывая рукой на появляющиеся сине-чёрные тучи.

И в этом его движении, в повороте головы я, наконец, с облегчением нахожу отгадку мучавшему всё время меня вопросу: где мы с ним могли встречаться раньше?

На картине Сурикова «Боярыня Морозова» душевным всплеском истинной веры переполнены две фигуры. В центре—раскольница в розвальнях,

а в правом углу—юродивый, сидящий на снегу, рядом с плоской для медяков.

Как же похож Лаптев на этого блаженного, осеняющего двуперстием закованную в кандалы боярыню-старообрядку!

Примечательно, что знаменитый красноярец Суриков, скрупулёзно добываясь документальной точности, писал своего героя с натуры, заставляя позировать его босоногим на обжигающем морозце. Не исключено, что в этом сходстве с живописным персонажем прослеживается одна и та же родовая ветвь Лаптевых. А вот насчёт портрета боярыни Морозовой известно точно, что для него позировала старообрядка из Рогожской слободы. Суриков увидел её страстную, непримиримую. Такую, как описывал боярыню сам знаменитый протопоп Аввакум: «Персты рук твоих тонкостны, очи твои молниеносны, и кидаешься ты на врагов аки лев».

...Неожиданно получаю от Лаптева приглашение заглянуть в избу. Посредине—огромная русская печь. По бокам—лежанки. В уголке—икона. Всё. Полнейший аскетизм. Больше взгляду остановиться не на чем.

Но эта жизнь при лучине, отрешённость от мира—сознательный выбор Лаптева. Он относится к числу самых набожных староверов, которые в уходе от соблазнов видят своё спасение.

Затесь третья. Ещё вчера ходили в крестный ход по солнцу, а сегодня потребовали двигаться против. Вчера крестились двумя перстами, а сегодня сказали, что нужно шепотью. Приказали менять и другие «ошибочные обряды», которые были незыблемыми веками. Вот из-за такой реформы, если объяснять просто, и произошёл чудовищный русский раскол в семнадцатом веке. Против выступили многие во главе с протопопом Аввакумом. А внедрителем нововведений стали царь и патриарх Никон. Последние захотели единообразия в обрядах с другими странами, чтобы стать для них третьим Римом. «Обличителя неправд» Аввакума ссылали, мучали, унижали, били кнутом, а затем живым сожгли на костре вместе с ближайшими подвижниками. Над соратницей боярыней Морозовой и её приближёнными издевались, держали в темнице, а потом уморили голодом. Но непокорных оказалось слишком и слишком много. И по всей стране начались жесточайшие репрессии. Власть не считала число погибших.

Обгоревшие крылья

Пока топаям с Лаптевым на мельницу, спрашиваю о его отношении к тем редким единоверцам, которые не устояли и начали получать в миру пенсии.

— Не добре это. Грех. За таких поклон не ложат. Но кажен про себя живёт.

Спрашиваю не случайно. Жена его перед этим с сожалением шепнёт о постигшей на днях беде: «Сын-то Андрей пособие начал от власти брать».

Лаптев об этом молчит. Ну и я больное не трогаю. Тем более что он и так чем-то недоволен. Второй раз как будто про себя говорит, да не замечает, что вслух получается:

— Уйду я... О душе надо думать. Совсем страх потеряли. Для чего живут?

Лаптев идёт прихрамывая. Покалеченная рука подвисает, обнажая шрамы. Двадцать лет назад на берегу Дураковки изувечил его медведь. Позднее здесь же он поставит свою мельницу.

На угоре Лаптев показывает «чудную штуку» — каменный круг. Это — важнейшая деталь — жёрнов-бегунок, который, как говорится в Библии, никто не смеет взять, «ибо таковой берёт в залог души». Он его «вручную выдалбливал две зимы из скальной глыбы».

Почти вся мельница построена из дерева. Плодины нет. Дураковка — речка быстрая, и силы течения хватает, чтобы крутить лопасти колеса. А когда молот нечего — вся конструкция поднимается воротом над водой.

Великая простота заключена в этой мельнице. И чувствую, как Лаптев хочет выплеснуть свою гордость, похвалиться умением, да сдерживает себя. Смирён должен быть старообрядец.

Поразительно, но делал он свою мельницу без всяких чертежей, по памяти.

— Видел я её в Дубчесе, в детстве, когда там старцы жили, — поясняет Лаптев и неожиданно начинает говорить резко и отрывисто, как топором рубит: — Ох, была там мельница! Красива. Шестистенна. Отец Симеон, мой дядя, делал. Мастер — не чета мне. А потом нечистики заявили. Нас в обход пустили. А сами позади с огнём. И давай всё жечь, рушить. Зарево стояло...

Лаптев уже не старичок-лесовичок. Бунтарь с поднятой головой.

— Зачем жечь? Зачем?! Красота така. Всё огнём погубили. И дома рублены, и постройки. И ветряну мельницу... Это подумать надо... Это ж трудов столько!

Лаптев задыхается от воспоминаний, как от горького дыма. Глаза начинают поблёскивать.

— Десятки людей без крова оставили. Нечистики. Без души. Ну скажи?! Вот курица бегает — нет у неё души. Корова — бездушна. А, человек? Это... Это ж — творенье Божье... А они разор устроили...

Он замолкает и долго-долго стоит неподвижно. Мельничное колесо медленно вращает отбелённый солнцем вал, смазанный чёрным дёгтем.

То, о чём рассказал Лаптев, случилось в 1951 году на притоке Енисея — Дубчесе.

Прослышав о том, что в таёжной глухомани, за четыре сотни километров от ближайших селений, преспокойно живёт большая община староверов,

туда из Красноярска направились особы с вооружённым отрядом. Схваченных людей посадили на сделанные плоты и под конвоем вывезли в сталинскую действительность.

Для детей и женщин этот путь закончился высылками. Для мужчин — лагерями, из которых мало кто вернулся обратно. Всего тогда пострадало около сотни староверов.

Таёжных отшельников, не общавшихся с миром, обвинили в абсурдном: в антисоветской агитации и активной подрывной деятельности. Главой «контрреволюционной организации» был назван отец Симеон — Сафон Яковлевич Лаптев. Среди старообрядцев он славился своей праведностью и душевной чистотой. А ещё, как никто другой, умел делать мельницы. Он умер в лагере, отказавшись принимать пищу. В деле сохранился снимок, где он сидит во дворе красноярской тюрьмы, с перевязанной головой, вместе с единоверцем.

Лёнке Лаптеву в 1951 году было десять лет. Зарево над рекой и обгорающие крылья ветряка он видел своими глазами.

Расставаясь со мной, скажет:

— Вы там в миру телевизоры всё слушаете. Так и не заметите, как ляктронна душа вместо настоящей станет... Но это ваше дело. А вот верёвку ты, Христа ради, пришли с оказией. Сети совсем худые стали...

Прощались мы с ним на пригорке. Таёжная даль открылась — завораживающая. С левого берега — взбаламошенная Дураковка. С противоположного — тихая речка Родина. Посредине — стремительный, труднопроходимый порог Бурный. А вокруг — неоглядная тайга.

Через два года я привезу ему верёвку. Но его не застану. Леонид Лаптев бросит всё и уйдёт в скит на Дубчесе. Сколько раз люди ворчали на него, пока он был в Бурном! А как не стало, будто лишились чего-то важного и праведного.

Затесь четвёртая. Однажды мне повезло, и православный подвижник, писатель Валентин Распутин, вопреки своим правилам, взял меня в поездку по его родным сибирским местам. Мы стояли на берегу Ангары возле Усть-Уды и вдруг вспомнили, что когда-то именно через эти места везли в ссылку протопопа Аввакума. Распутин задумался, а потом сказал: «Если бы колесо истории повернулось к тому времени, я бы наверняка оказался среди раскольников, — и пояснил: — Люди эти были настоящей крепости. А мы сейчас стали слабаками и живём будто в торгашеской лавке».

Грехам не потворствуют

Со старообрядцами-бесповцами судьба меня сводила много раз. В Туве, в Эвенкии, в Енисейском, Мотыгинском, Богучанском, Абанском, Ирбейском, Тасеевском и Кежемском районах

огромного Красноярского края. Везде они — особенные и разные.

Существующее представление об их нелюдимости, о том, что чужаку даже воды напиться не дадут, на практике проявляется очень редко. Обычно они приветливы и готовы помочь чем могут. Правда, при одном условии — если вы будете открыты к ним душой. Но в любом случае на своей территории они не терпят пьяных, курящих, матерщинников и воров. Грехам не потворствуют. И человеку из другой жизни с ними зачастую приходится трудно. Цивилизованные привычки дают о себе знать.

В Шивере меня пригласили на ночлег и предложили оставить лодку с поклажей на берегу. Мне не хотелось обидеть гостеприимного старообрядца, но всю ночь я спал как перепуганный заяц. Отплывал я довольный и удивлённый сохранностью всего того, что оставил без присмотра.

Несколько раз я видел, как те, с кем общался накануне, вдруг преображались. Женщины и девушки представляли в красивых сарафанах, мужчины — в цветастых косоворотках, подпоясанных пояском. Думал, что в честь праздника. Оказалось, в честь небритого журналиста-гостя.

У них до сих пор сохраняется возвышенное отношение к образованности. Вернее, к знаниям. Причём это их давняя традиция. Ещё в те времена, когда Россия была почти поголовно неграмотной, среди старообрядцев считалось нормой умение читать и считать. Сегодня там, где у них нет школ, некоторые отправляют детей учиться в интернаты. Отправляют скрепя сердце. Потому что им предстоит впервые соприкоснуться с телевизорами и компьютерами.

Ещё одна особенность. У них трепетное отношение к человеку, к памяти предков. Родословную знают по седьмое колено. К детям обращаются по именам ласково и с подчёркнутым достоинством. Никаких пренебрежительных «санек», «ванек», «танек», «ирок» здесь вы не услышите.

Отличительная особенность мужчин-старообрядцев — бороды. Сбрить допускается единственный раз в жизни. Во время службы в армии или на войне. Доблесть защищать Родину — выше греха «бритой рожи». Но в последние годы тех, у кого нет среднего образования, служить не берут. В их поселениях проблема со школами-десятилетками. И это не их вина.

Чем питаются? Что выращивают в своём подворье, на огороде, то и едят. Прибавкой является добыча с рыбалки и охоты. Но жировать им не приходится. Много строгих постов, когда нельзя ничего есть молочного и мясного. Потому всегда заготавливают много ягод, грибов и различных солений. Чай и кофе не пьют. В ходу травяные настои и квас. Привозные магазинные продукты употребляют, но очень и очень выборочно. Не прикасаются к тем, где упаковка с особой маркировкой,

в которой видят «число зверя». Водка под запретом. Но трезвенниками они не являются. Хмельная медовуха есть почти в каждом доме.

Монахи не случайно ходят в чёрных одеждах. Потому что, когда не молятся, они с утра до ночи — чернорабочие. Старообрядцы в этом очень похожи на них. Трудяги невероятные. Техники не чураются. Умельцев и изобретателей — пруд пруди в каждом селении. В Прилуках, например, сделан желобной родниковый водопровод. В Бурном, где крутой берег, воду из реки поднимают по тросу. В нескольких поселениях мастера делают большие катера, на которых плавают по Ангаре и Енисею.

С землёй обращаются так, как будто знают какой-то секрет. В северном Приангарье выращивают большие сладкие арбузы и дыни. В доме у всех чисто и опрятно. Почти каждая женщина — прекрасная рукодельница и стряпуха. Если одарят вас гостеприимством — будет сытно, вкусно и радостно.

...Мы часто говорим о наших чуть ли не национальных недостатках: что бываем ленивы, много выпиваем и сквернословим. Но почему-то старообрядцам такие пороки не свойственны. И при этом мы с ними одного корня.

Затесь пятая. В 1863 году в Польше начался мятеж против России. Под знамёна бунтарей встали не только поляки, но и итальянцы, венгры, французы. Пожар восстания разгорелся и перекинулся на белорусские земли, где было много поселений старообрядцев. Поляки задействовали призыв «За нашу и вашу свободу!», чтобы привлечь на свою сторону «российских рабов». Но старообрядцы без раздумий начали сражаться с «шайкой бандитов». Отечество не предали. Известный писатель и чиновник по особым поручениям Мельников-Печерский, до этого ярый «искоренитель раскольников», решительно потребовал от правительства предоставления им гражданских прав. Но его требования быстро забыли. А старообрядцы так и оставались униженными и бесправными.

...А сыны мои испужались смерти

Река Чуна. Поселение Прилуки

Может, помните рыжебородого старовера с картины «Утро стрелецкой казни»? Того самого, который пронзает взглядом «нововерца» Петра? Так вот, Карп Иванович Кочев — из этого рода-племени: — Приехали как-то к нам чалдоны. Неверующие, значит, по-нашему, — рассказывает он мне. — И спрашивают: что вы все бороды красным красите? А мы отродясь такие, говорю, всегда — огнебородые.

Большое семейство Кочевых живёт в Прилуках. Маленькую деревушку специально спрятали от мира за бурными чунскими стремнинами. Наземных дорог из мира сюда нет. Кстати, в мой приезд

на их календаре шёл 7514 год от сотворения мира. Старое летоисчисление у них не меняется, а вот сама жизнь — с переменами. Народу в Прилуках стало за последние годы вполонину меньше.

Вначале такую текучесть мне пытались объяснить таёжным пожаром, который оставил их без зверя и пушнины, грибов и ягод. Но потом Карп Иванович сообщил о настоящем бедствии: — У меня у самого два сына в мир ушли. Один в Киеве обитает. Второй — в Канске.

— Веру они сохранили?

— Какая там вера! Где была она — теперь дыра на том месте...

— А кто ж виноват?

— Кто?! Отец за сына отвечает. Я виноват! На работу всё время цыганским кнутом мы их гнали. А когда здесь лес сплавляли... Они и пошли матросами на катера. А потом... уплыли. Оба. И от нас. И от веры нашей.

Историки раскола почти всегда замалчивают этот факт. Но два сына протопопа Аввакума предали отца в самом начале и дали подписку «не быть раскольниками». Он сам об этом написал: «Ивана и Прокопья велено ж повесить, да оне бедные... испужався смерти, повинились».

Спрашиваю Карпа Кочева:

— А в городе можно остаться старообрядцем?

— В Писании говорится, что и посреди града будут спасаемы... Молись... Постись... — он горестно вздохнул. А затем со всего маха рубанул рукой воздух. — Только всё равно можешь пропасть! Я-то сам как: глаза не успел открыть, а уже на соседа косо смотрю... С греха утро начинаю... А вот не осуди никого за всю свою жизнь — и спасёшься!

Проза Достоевского здесь считывается с реальности, как с подстрочника. Имена у героев другие, а психологизм отношений тот же. Помните его знаменитое: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

Раньше — старостой в Прилуках был Карп Иванович, «а теперь сын Афонька». Тоже «избранный обществом». Только принципиальная разница в том, что для Афанасия это ещё и светская должность, с небольшой зарплатой от районной администрации. А ведь совсем недавно старообрядцы избегали власти, как чёрт ладана.

За время вековых гонений они лучше всего приготовились к смерти за свои убеждения, чем к свободе. И это не просто слова. Были зафиксированы около сорока тысяч самосожжений в церквях, когда их силой пытались принудить стать «никонианами». Но к новым реалиям они оказались совершенно не готовы. Соблазны рынка обернулись дьявольским наваждением. И если даже для крепких, закалённых вековыми гонениями старообрядцев новый российский капитализм стал нравственным бедствием, то что же говорить о нас, мирянах?

Взаимовыгодный всплеск общения с «порочным миром» начался с малого. А сегодня старообрядцы торгуют многим: берестяными туесками, кадушками, срубам для дач, картошкой, мёдом, рыбой, мясом... Заготовливают и сплавляют лес. И всё это делают качественно. Другая Россия здесь сохраняется до сих пор. И они по-прежнему считают, что духовное превыше материального. Но молодое поколение всё больше и больше поглядывает в сторону компьютерных технологий и новой социальности. Старики не приемлют нашествие «западного», но что они могут сделать? Разве что вспомнить давние слова протопопа Аввакума: «Ох, бедная Русь, чего-то тебе захотелось латинских обычаев и немецких поступков?..»

Затесь шестая. Двадцатый век начался с потрясений. Требование перемен витало в воздухе. Единственными охранителями устоев, на которых с древних времён держалась Русь, оказались старообрядцы. Когда царь Николай Второй окончательно понял, что империя рушится, а «народ отпал от веры», решился на отчаянный шаг и восстановил их в правах. Это освобождение длилось историческое мгновение. До начала Октябрьской революции. Но именно в этот период и произошёл экономический взлёт Российской империи. И собственниками подавляющего большинства успешных промышленных предприятий страны являлись в то время старообрядцы.

Не тяжелее пёрышка

Речка Хаинда. Приангарье

На снимке — мой добродушный знакомый, старообрядец-отшельник Пётр Харин. Его предки ушли из мира. А он ещё дальше. От своих. От единоверцев. Когда будет отплывать на рыбалку, спрошу о его жизни в одиночестве. Он глубоко вздохнёт и скажет:

— Двадцать лет уже сам себя здесь мыслями мучаю...

Лодку-обласок он сделал сам. Из одного бревна осины, диаметром сантиметров сорок. Технология изготовления удивительная.

Вначале через тонкий продолговатый проём выдалбливаются внутренности бревна.

— Работать приходится очень осторожно, — поясняет Харин. — Каждое движение нужно выверять. Дерево — не глина. Лишку топором дашь — назад не прилепишь. А бортики и днище должны быть тоненькие, чтобы обласок не тяжелее пёрышка получился.

А потом с помощью огня и распорок дерево раскрывается, как гороховый стручок:

— Осина — податливая, — говорит, улыбаясь, Харин. — При желании из цельной лесины можно не только лодку, а и плаху в метр шириной вытянуть.

Прост с виду этот обласок, да совершенен. Всё лишнее убрано мастерством и опытом поколений. Остались лишь чистейшая красота да здоровый рационализм. Когда-то окружение Петра Первого долго думало, чем бы поразить голландцев, чтобы те поняли, что такое настоящее русское мастерство. Иностранцы вовсю до этого хвастались своими деревянными башмаками. А царь сразил их наповал, подарив им наш обласок.

Философия Харина проста: жить по совести, в ладу с самим собой. И люди тянутся к нему. Гости здесь редкие. Зимой и в половодье месяцами может никто не заглядывать. Но кто раз у него побывал — мимо уже не проплывает. Потому что редкая добросердечность — сродни святости. А простота его поступков — убедительнее нравоучений. И, находясь с ним рядом, подспудно ловишь себя на мысли: а ты бы так смог? И чаще всего отвечаешь: нет.

Мы вместе с ним увидели на реке разноцветный балаган. Туристы сплавились на разукрашенном катамаране. К берегу они пристали в километре от избушки Харина. Поплыл Пётр Абрамович рыбу половить и заглянул к путешественникам. А у тех — уха с одной вермишелью. Харин отдал им только что выловленных ельчиков и окуньков. Да ещё и богатое место указал.

— Вы, — говорит, — вон по той речушке пройдитеесь и в бочажках харюзков на обед поудите. Много их там стоит. Да жирные такие...

Узнал я о такой благотворительности Харина только тогда, когда увидел этих самых рыбаков с двумя ведрами крупной рыбы. Проходя мимо меня, они не скрывали своего восторга:

— Молодец дед! Такое место нам указал! Завтра утром последних выловим и отчалим.

Улучив момент, высказываю Харину своё недоумение:

— Разве так можно, Пётр Абрамович?! Вы же фактически припасы свои раздаёте. Потом из-за этой доброты зимой голодным сидеть будете.

— Бывает, что и сию, — отвечает. — Но только как душа подскажет, так и поступаю. Вот в позапрошлом году на этой самой Хаинде, по осени, я много харюзков наловил. Целую бочку засолил. Тоже думал, что зимой с рыбой буду. А медведь выждал момент, пришёл незванным гостем и всё съел. Добро нужно делать, когда есть возможность. От жадности богатым не станешь.

В другой раз в осеннюю холодину к нему рыбак Фёдор заехал со своей бедой. Весь мокрый, перепуганный.

— Выручай, — говорит. — На камень налетел. Всё, что было в лодке, — в воду ухнуло.

Пётр Абрамович пошёл в дом и стал собирать котомку. Снабдил пострадавшего одеждой, продуктами, да ещё и снасти дал, чтобы тот с рыбой домой вернулся.

— Скажи, чем я тебя могу отблагодарить? — запричитал несказанно довольный Фёдор. — Что тебе надо привезти? Заказывай!

Пётр Абрамович рассмеялся и на полном серьёзе ответил:

— Есть одно такое дело. Можешь помочь. Вот когда меня в аду будут жарить... Так ты не забудь в кострище дровишки подбрасывать. Хорошо?! Поможешь мне сполна за мои грехи ответить. Вот этим и отблаговаришь.

С Фёдором я встретился возле Осинового порога. О Харине он отзывался как о блаженном. Но при этом не скрывал, что сам на хлеб зарабатывал браконьерством.

Разговор о человечности мы продолжим с Хариним следующим днём. Задолго до рассвета. Солнце ещё только собиралось показаться из-за горы, а в печурке уже трещали дрова, и огненные отсветы прыгали по янтарным брёвнам. Тепло не спеша выпроваживало утреннюю зябкость. Пётр Абрамович готовил тесто на рыбный пирог.

— За квашнёй надо ухаживать, как за ребёнком. Недоглядишь — на сторону уйдёт или не поднимется. А в итоге — без хлеба останешься.

Поняв, что в этой прелюдии — отзвук вчерашнего разговора, спрашиваю:

— Добро без отклика — это зло?

— Нужно уметь прощать людей, — отвечает он мне, прекращая на время все дела. — Без любви и дары, и помощь — благодатью не станут. Ни для других, ни для себя самого. Вот и у меня не всегда всё получается...

Перед моим отъездом Харин вдруг сообщил неожиданное:

— Я в монастырь старообрядцев плывал, на Енисей. Присматривал на будущее, куда можно мою немощную старость пристроить... Но не приглянулась мне северная обитель... Вроде всё там есть. И река... И тайга... А душа не приняла. Свободы — нет... Видно, возле Хаинды суждено мне свой век доживать.

— Но здесь, случись что, даже воды подать будет некому!

— А ты на мои мысли внимания не обращай, — успокоил он меня. — Я с ними здесь всё время, как медведь в берлоге: с одного бока на другой переворачиваюсь... А вообще-то я — не урюмый. Просто о душе приходится всё время думать. О самом ценном и дорогом, что есть у человека. Но это — тайное... Грехов много. Молось редко... Но, может, Господь и приведёт к чему-то... Верить, я раньше был очень хорошим охотником. А сейчас ружьё в руки не беру. Зачем кого-то убивать, когда радость в жизни приносит только живое?!

Затесь седьмая. Совсем недавно в архиве Виктора Астафьева обнаружил его записи о войне. О том, как солдаты преодолевали страх смерти:

«Нельзя сказать, что все на передовой молились. Во-первых, это трудно увидеть. Многие вроде меня стеснялись. Как стеснялись признаться в любви и сказать кому-то нежные слова. Так мы были воспитаны... Только старожилы никого не боялись. На них рукой сразу махнули: работяги, на себе тащат всё—пусть молятся».

Оскорблённые насилием...

Факт, почти не известный, но в советское время, в 1971 году, Русская православная церковь на Поместном соборе отменила клятвы «...на старые обряды и на придерживающихся их». Русские древние рукописи признали праведными. Реформа оказалась бессмысленной. Гонения—напрасными. Собор судьбоносно заявил «*считать эти клятвы яко не бывшие*».

Значит, восстановлена историческая справедливость?

Теперь уже непредвзвешенно креститься и «по-новому», и «по-старому». Как и ходить в крестный ход: по солнцу и против него. Можно и так, и эдак. Но разговариваю с двумя иерархами РПЦ, говорят: оправдания старообрядцам нет, всё равно раскольники они. Потому что «не проявили в своё время необходимой кротости». И формально это верно. А если подходить с нравственной позиции? Ведь в старообрядцах проявился наш национальный характер: стойкость и праведность. Кстати, несмотря на все притеснения, их сегодня насчитывается более двух миллионов человек по всему миру.

Только нельзя идеализировать старообрядцев, как это делают некоторые современные исследователи. В прошедших столкновениях с обеих сторон было пролито столько крови, что виноватые—есть. А совсем правых—уже не найти.

И если бы тогда верх взял Аввакум, пощады противникам не было бы от него: «Всех что собак перепластал бы в один день. Сперва Никона—собаку рассёк бы начетверо, а потом и никониан...»

В учебниках об этом не пишется. Но русские бунты под предводительством Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачёва, сотрясавшие всю Россию, были пропитаны не только смутой, но и во многом идеологией старообрядцев. И никогда до этого не было такого масштабного противостояния между народом и властью.

Но главное во всём этом: кто затеял тот страшный раскол всей России?

В начале уже нынешнего века Русская православная церковь за границей (РПЦЗ), после долгих лет разрыва отношений с РПЦ, пошла на единение и стала её неотъемлемой самоуправляемой частью, а чуть ранее она покаялась перед старообрядцами: «Простите, братия и сёстры наши, прегрешения, причинённые вам ненавистью. Не считайте нас сообщниками в грехах наших предшественников... Мы кланяемся вам в ноги и препоручаем себя вашим молитвам. Простите оскорбивших вас безразсудным насилием...»

В 2004 году Архиерейский собор Русской православной церкви намекнул о подвижке к единению со старообрядцами— правда, сделал это казённым языком: «Считать важным развитие добрых взаимоотношений и сотрудничества...»

Каким будет следующий шаг навстречу?

Затесь последняя. Это была бы сенсация, если бы мы знали свою историю. Но недавняя новость о том, что президент России Владимир Путин побывал в Рогожской слободе, прошла незамеченной. А ведь случилось невероятное. Впервые за почти четыре столетия глава страны приехал к тем, кого долгое время причисляли к еретикам, врагам и изгоям. Он приехал в духовный центр старообрядцев. К нашим исконно русским людям. Подарил им старинное житие и, приняв в дар древнюю икону, заверил, что в Кремле она займёт достойное место, и добавил принципиально важное: «Старообрядцев всегда отличала любовь к России. И я уверен, что они, как и в прежние времена, всегда будут с народом и государством».